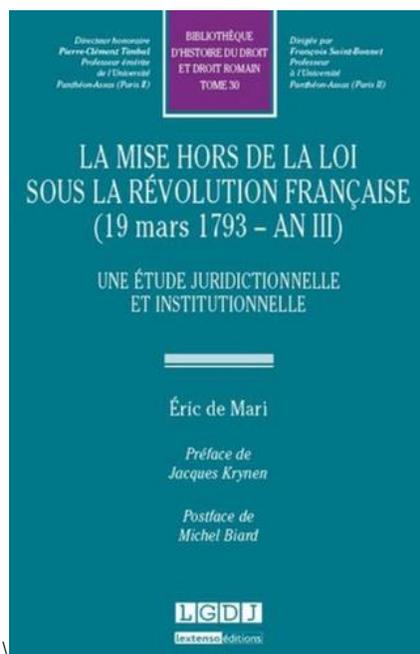

РЕЦЕНЗИИ

Бовыкин Д.Ю.*

Объявление вне закона как инструмент революционного Террора
Рецензия на книгу: **Mari, Éric de. La mise hors de la loi sous la révolution française (19 mars 1793 – an III). Une étude juridictionnelle et institutionnelle. Issy-les-Moulineaux: LGDJ-Lextenso éditions, 2015**

Ключевые слова: Французская революция XVIII века, диктатура монтаньяров, Термидор, революционное правосудие, Террор

Key words: The French Revolution of the XVIII century, Montagnard dictatorship, Thermidor, revolutionary justice, the Terror

Изучением Французской революции XVIII традиционно занимаются не только историки, но и филологи, искусствоведы, философы, исследователи других специальностей¹. Изредка на неё

* **Бовыкин Дмитрий Юрьевич** – доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук (e-mail: bovykin@hist.msu.ru)

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

обращают внимание и юристы, что зачастую приводит к очень интересным результатам². Именно с юридической точки зрения смотрит на события Революции и профессор истории права факультета права и политических наук Университета Монпелье Эрик де Мари.

Книга «Объявление вне закона во времена Французской революции (19 марта 1793 года – III год)»³ – переработанная и поневоле сокращённая версия его докторской диссертации, основанной на тщательном изучении архивных источников. Автор использовал фонды Национального архива и Исторической службы сухопутных войск, а кроме того – поскольку сама тема требовала спуститься на уровень департаментов – фонды семидесяти пяти (!) департаментских архивов. Излишне говорить о том, что подобный подход – большая редкость, обычно авторы либо ограничиваются взглядом из Парижа, либо работают в архивах конкретного департамента или же отдельных городов. Всё это позволило де Мари создать абсолютно уникальное исследование, позволяющее поднять широкий круг вопросов, связанных с революционным Террором, и, в частности, поставить следующую проблему: в какой мере революционное правосудие (*la justice révolutionnaire*) имело отношение, собственно, к праву – к закону и к законности? С автором сложно спорить, когда он отмечает: «Вместо того, чтобы изучать террор, о нём много говорили». Именно этот пробел он и пытается заполнить.

В центре внимания де Мари юридическая категория «объявление вне закона» (*la mise hors de la loi*), которая стала активно использоваться после принятого всего через несколько дней после создания парижского Революционного трибунала декрета Национального Конвента от 19 марта 1793 г. «Относительно наказания тех, кто обвиняется или будет обвинён в участии в контрреволюционных мятежах и бунтах, имевших место либо тех, которые будут иметь место, во время набора в армию». Согласно этому декрету, мятежники утрачивали право пользоваться теми юридическими процедурами, которые были предусмотрены уголовным законодательством, в частности, судом присяжных. Если их захватывали с оружием в руках, то в течение 24 часов военная комиссия, состоявшая из офицеров, участвовавших в подавлении мятежа подразделений, должна была подтвердить этот факт и вынести тем самым смертный приговор. Если же мятежника захватывали без оружия, то он подпадал под юрисдикцию уголовного суда департамента. Там уже предусматривался допрос, хотя и предполагалось, что суд будет столь же скорым и безжалостным – достаточно было установить личность человека, подпадающего под эту категорию, или же убедиться в совершённых им деяниях, чтобы вынести всё тот же смертный приговор⁴. 27 марта был принят второй декрет, значительно расширявший категорию «объявленных вне закона»: ими становились все аристократы и контрреволюционеры⁵.

² См., например: Troper M. Terminer la Révolution. La Constitution de 1795. P., 2006.

³ Mari, Éric de. La mise hors de la loi sous la révolution française (19 mars 1793 – an III). Une étude juridictionnelle et institutionnelle. Issy-les-Moulineaux : LGDJ-Lextenso éditions, 2015.

⁴ Archives parlementaires. 1ère série. T. LX. P., 1901. P. 331. Col. I-II.

⁵ Collection générale des décrets rendus par la Convention Nationale. Vol. 35. P., chez Baudouin, s.d. P. 507.

Таким образом, законодатели порывали со взятым ещё Учредительным собранием курсом на либерализацию судебных процедур, предусматривавшим, в частности, суд присяжных. Тем не менее, подчёркивает де Мари, который как историк права в полной мере может оценить всю двусмысленность выражений «революционное правосудие» или «законность объявления вне закона», процедура объявления вне закона не противоречила правосудию, а являлась его частью, инструментом, поскольку происходила в соответствии с законом. Переход к революционному правосудию отменял ряд юридических норм (в том числе и принятых за пару лет до того), он мог подразумевать чистки судов и назначение судьями «патриотов» без должного юридического опыта, но при этом сама система правосудия сохранялась. Для современников это было важно, ими это в полной мере осознавалось.

Значение этой юридической категории при проведении в жизнь политики Террора не вызывает сомнений. Именно благодаря ей было приговорено к смерти около 13 000 человек, включая Максимилиана Робеспьера и его соратников, знаменитого генерала Шарля-Франсуа Дюмурье и ряд «жирондистов». Мы знаем, что всего в годы Террора было казнено 16 594 человека⁶, и даже с учётом того, что далеко не каждый смертный приговор объявленным вне закона был приведён в исполнение (тот же генерал Дюмурье благополучно скончался в 1823 г.), более 70 % казнённых, как подсчитал де Мари, составляли именно объявленные вне закона.

Вместе с тем автор показывает, что объявление вне закона отнюдь не обязательно означало смертный приговор: за всё время казнено было лишь около 60 % судимых по этой категории, причём до переворота монтаньяров – едва треть. Основываясь на материалах департаментских архивов, де Мари выявил, что в значительной степени суровость и бескомпромиссность закона оказалась нивелирована практикой его применения на местах, где судьи зачастую внимательно анализировали предоставленные документы, проверяли факты, позволяли подсудимым оправдаться.

Иными словами, хотя практики уголовного процесса были тем самым приспособлены под необходимость проводить процессы политические, революционная законность отнюдь не становилась беззаконием. И, *de facto*, это превращало объявление вне закона в довольно двусмысленную процедуру. С одной стороны, вне закона объявлял Национальный Конвент, он как бы выносил заранее судебное решение, а на местах оставалось только установить принадлежность конкретного человека объявленной вне закона категории лиц и передать его палачу. С другой стороны, уголовные и другие суды, рассматривая дело, следовали установленным нормам, разве что без жюри присяжных. По подсчётам де Мари, именно так и обстояло дело в подавляющем большинстве случаев.

Другое дело, в какой степени это устраивало Национальный Конвент и его Комитет общественного спасения. После прочтения книги совсем по-иному воспринимается активность комиссаров Конвента,

---

⁶ Greer D. The incidence of the terror during the French Revolution; a statistical interpretation. Cambridge, 1935. P. 147.

множивших военные комиссии для суда над контрреволюционерами: обычная юстиция казалась слишком снисходительной. Совсем по-иному звучат и слова Л.А. Сен-Жюста, произнесённые им в Конвенте 26 жерминаля II года Республики (15 апреля 1794 г.): «Чем занимались трибуналы в течение этих двух лет? Говорил ли кто-либо о том, что они вершат правый суд? Вот где надо искать зачинщиков всех общественных бедствий! Ибо созданные для того, чтобы поддержать дело революции, они повсюду дали волю преступлению, вместо того, чтобы дать волю народу; они позволили пренебречь вашими постановлениями, они вызвали презрение к себе из-за своего малодушия, вместо того, чтобы внушать страх злодеям»⁷. И становится намного лучше понятен декрет Конвента от 27 жерминаля, предписывавший отправлять «заговорщиков» со всей страны в парижский Революционный трибунал.

Автор исследования отталкивается от небольшого эпизода из романа Виктора Гюго «Девяносто третий год», где нищий говорит маркизу де Лантенаку: «Я узнал, что вас объявили вне закона. А что такое закон, раз можно быть вне его? Никак в толк не возьму. Вот я, что я – вне закона? Или наоборот? Ничего не понимаю»⁸. Де Мари как раз и ставит своей задачей это понять, поскольку практически никто из предшественников этим не занимался. Не занимались же, по его мнению, потому что внимание было обычно сосредоточено на парижском Революционном трибунале, тогда как в столице объявление вне закона практиковалось лишь в виде редкого исключения. Таким образом, эта часть революционного правосудия оставалась в тени, да и само оно воспринималось обычно как система, имеющая мало общего как с законностью, так и с юридическими процедурами, и предусматривавшая, по сути, лишь вынесение смертного приговора – что, впрочем, совершенно не соответствовало действительности. К тому же те выводы, к которым можно было прийти, анализируя деятельность парижского Революционного трибунала, по умолчанию распространялись и на другие суды страны.

Де Мари доказывает, что решение Конвента ввести юридическую категорию «объявленные вне закона» стало попыткой взять под контроль народное насилие, своеобразным ответом на него, когда простота народных требований претворялась хотя и в чрезвычайную и революционную, но всё же относительно сложную юридическую процедуру. Она была нацелена на то, чтобы покарать как можно больше политических противников, не очерчивая чётко границы их «преступления», а порой и не называя их поимённо (как это было в случае объявления вне закона Вандеи в целом). Безусловно, Конвент не случайно сделал эти декреты столь расплывчатыми – новое, республиканское законодательство должно было мгновенно реагировать на быстро меняющуюся политическую обстановку и появление новых угроз. Автор также приходит к выводу, что процедура «объявления вне закона» особенно активно использовалась на периферии, далеко от столицы: более половины объявленных вне закона концентрировались на востоке страны, более четверти – на юго-востоке.

⁷ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб, 1995. С. 166.

⁸ Гюго В. Девяносто третий год // Гюго В. Собрание сочинений в 15 томах. М., 1956. С. 80.

Вписывая объявление вне закона в более широкий контекст, автор рассматривает его как способ легализации «политики исключения» (модная тема для современной историографии Революции) и, в конечном счёте, обновления (*régénération*) нации. Однако именно здесь интересы государства, интересы политической власти сталкивались с представлениями о правильном и должном власти судебной, и лишь присутствие комиссаров Конвента заставляло декреты об объявлении вне закона работать так, как было изначально запланировано.

Книга Эрика де Мари заставляет задуматься о странном парадоксе: несмотря на популярность феномена Террора для массового читателя, несмотря на его важность для понимания истории Французской революции, основным инструментом проведения в жизнь политики Террора историки до сих пор практически не занимались. Поэтому мне думается, что это исследование окажется совершенно необходимым для каждого, кто захочет разобраться, как именно – на бумаге и на практике – функционировали механизмы Террора.

Библиография:

Гюго В. Девяносто третий год // Гюго В. Собрание сочинений в 15 томах. М., 1956.

Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб, 1995.

Archives parlementaires. 1ère série. T. LX. P., 1901.

Collection générale des décrets rendus par la Convention Nationale. Vol. 35. P., chez Baudouin, s.d.

Greer D. The incidence of the terror during the French Revolution; a statistical interpretation. Cambridge, 1935.

Mari, Éric de. La mise hors de la loi sous la révolution française (19 mars 1793 – an III). Une étude juridictionnelle et institutionnelle. Issy-les-Moulineaux : LGDJ-Lextenso éditions, 2015.

Troper M. Terminer la Révolution. La Constitution de 1795. P., 2006.

Bibliography:

Hugo V. Devjanosto tretij god // Hugo V. Sobrańie sochinenij v 15 tomah. M., 1956.

Saint-Just L.A. Rechi. Traktaty. SPb, 1995.

Archives parlementaires. 1ère série. T. LX. P., 1901.

Collection générale des décrets rendus par la Convention Nationale. Vol. 35. P., chez Baudouin, s.d.

Greer D. The incidence of the terror during the French Revolution; a statistical interpretation. Cambridge, 1935.

Mari, Éric de. La mise hors de la loi sous la révolution française (19 mars 1793 – an III). Une étude juridictionnelle et institutionnelle. Issy-les-Moulineaux : LGDJ-Lextenso éditions, 2015.

Troper M. Terminer la Révolution. La Constitution de 1795. P., 2006.